

18+

Sandra A. Salines

*Ведьмовские
сказания*

Sandra Salines

Ведьмовские сказания

«Издательские решения»

Salines S. A.

Ведьмовские сказания / S. A. Salines — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-680365-7

Читателям представляется небольшой сборник мистических историй, составленный по материалам блога автора. В книге описаны необычные явления, происходящие порой и в жизни. Эти истории интересные и захватывающие сами по себе, кроме того, автор описывает трудности и переживания участников загадочных и даже пугающих мистических событий.

ISBN 978-5-00-680365-7

© Salines S. A.
© Издательские решения

Содержание

Лора	6
Два становятся одним	10
Завтрак для хозяина	15
Игра	17
Осень жизни	22
Память	26
Дар	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ведьмовские сказания

Sandra A. Salines

© Sandra A. Salines, 2025

ISBN 978-5-0068-0365-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лора

Какое замечательное время года – осень. Огненный летний вихрь уже рассеялся, а на его место пришла неторопливая и всезнающая мудрость. Пронизывающий осенний ветер выдувает последние остатки тепла и заставляет людей спешить в уютные квартиры.

Татьяна и Мария – две подружки детства – сидели на кухне, пили чай и разговаривали о жизни. Их дружба была очень теплой, они как будто дополняли друг друга и могли говорить на любые темы часами. Вот и сейчас, они откровенничали о самом наболевшем.

– Татьяна, что-то со мной происходит, я не могу найти себе места. Всю мою душу выворачивает наизнанку, а что ей надо – я не понимаю, – Мария закрыла руками лицо и почти плакала.

– Может тебе замуж выйти, успокоишься. Некогда будет метаться, – участливо ответила подруга.

– Какой замуж, зачем мне это? – Мария задумалась, а потом, посмотрев на потолок, сказала, – мне как-то неинтересно стало жить, настолько всё вокруг обыденно, предсказуемо, скучно. Меня ничего не радует. Нет искры, понимаешь.

– Да, ладно, брось. Нашла время искру терять. Ты ещё не все деньги заработала, мир не посмотрела. В конце концов, тебе ещё замуж выходить, а ты заскучала, – ответила Татьяна.

– Ну, замуж я точно не пойду. Может мне в колдуньи? А что, буду обладать силой, как та старуха с разбитым корытом. Помнишь?

– Нет, что за старуха?

Мария махнула рукой, мол «забудь».

– Колдовать, значит хочешь?

– Почему бы и нет? Интересно же научиться манипулировать всем.

– Кстати, я знаю женщину, которая чем-то таким занимается. Могу познакомить. Только она сейчас в отпуск уехала и живет в лесу.

– Что за женщина? – оживилась Мария.

– Мне о ней соседка рассказывала. Представляешь, она из пепла сторовшую вещь восстановила. Вот такое возможно в наше время?

– Да ты что! Вот где, наверное, силища-то.

Мария отхлебнула чай из чашки, посмотрела в окно, задумалась.

– А где она отдыхает, в каком лесу?

– Хочешь наведаться к ней?

– Почему бы и нет.

– Не велено говорить, но тебе, так и быть, скажу.

Татьяна рассказала всё, что знала, и на этом их разговор о магии плавно перешел на бытовые темы, далекие от высоких и светлых идей.

***

На старом скрипучем диване, уткнувшись в потёртые подушки, лежала женщина. Лежала так она уже довольно долго и, казалось, что даже не дышит, но это не так, она просто отдыхала, ведь ей уже немало лет. Однако выглядела она молодо. Да и не мудрено, ведь ведьмы, знахарки, колдуньи не имеют возраста. Вот и Лора – Ведьма. Всю свою жизнь она готовила отвары, заговаривала болезни, делала привороты, общалась с Духами, колдовала и с помощью магической силы меняла события. Правда, в последнее время ей настойчиво хотелось уединиться и не откликаться на просьбы обычных людей, которые шли к ней нескончаемым потоком.

Лора давно чувствовала усталость, ей хотелось уйти от суеты, побыть в уединении, восстановить свои силы, и она отправилась в свой маленький домик, расположенный в лесу, куда она уходила лишь в крайних случаях, как сейчас. Об этом доме знали только два человека: её соседка по дому Клавдия Семеновна и молодая женщина Татьяна, которую Лора выбрала себе в помощники по хозяйству. И не то чтобы Лора им доверяла, нет, но этот человеческий «крайний случай», прочно поселившийся в сознании, подталкивал именно к таким действиям. Да и не нужна ей паника, созданная этими людьми, если они решат, что Лора пропала.

Старая Ведьма лежала на диване, отвернувшись от всего мира, и размышляла. Она думала, что у неё нет последователя, которому она могла бы передать свои знания, оставить своё магическое наследство. За всю свою колдовскую жизнь ей не встретился человек, для которого Магия стала бы всем, который бы также искренне, как она, самозабвенно, фанатично, жил Магией. Лора знала, что только такой человек способен с полным доверием, уважением принять дар и продолжить её магический Путь. Тогда её духовная линия не оборвется, и она с лёгким сердцем оставит на этой земле свои умения. А умела Лора немало.

Осенний дождь хлещет в окна, разбушевавшийся ветер качает огромные ветки елей и заставляет причудливые тени мохнатых лап танцевать на полу. Поленья тлеют в печи, и только всё тот же ветер завывает в трубе, не давая огню погаснуть. И вдруг Лора услышала робкие шаги на крыльце и стук в дверь. Сердце замерло: «Ого! И кого это Духи прислали?», – подумала она, – «Если этот человек нашёл меня, это уже заслуживает внимания. Может Духи услышали, и послали мне ученика, а может, нет?», – и в её глазах появилась искра надежды.

В избу зашла женщина средних лет, скинула капюшон, сняла промокший плащ.

– Здравствуйте, Лора, – тихо произнесла она.

Лора поднялась с дивана, села возле печи, подкинула дров, пригласила присесть гостью.

– Здравствуй, милая, ты кто?

– Я, Мария.

– Что привело тебя ко мне?

– Как же я вас долго искала, – устало вздохнула женщина, – путь был непростой. Лора, я прошу вас, обучите меня колдовству.

– Колдовству?

– Я хочу этого всей душой.

– Зачем тебе это?

– Не знаю. Мне не нравится моя жизнь, и я хочу изменить её.

Лора громко засмеялась и разочарованно произнесла:

– Чтобы изменить жизнь, не обязательно уметь колдовать. Почему ты думаешь, что я могу тебя этому научить?

– Я знаю, я слышала о вас разные истории, я хочу быть такой же, как вы.

– Зря вы верите слухам.

– Я многое о вас слышала и поняла, что только вы можете научить меня этому искусству.

Мне говорили, что вы даже восстановили вещь, которая сгорела.

– Это не я, это Магия делает.

– Пусть Магия, но ведь вашими руками. Познакомьте меня с Магией, пусть она меня научит.

Лора промолчала. Она ждала.

– Я буду вам самой верной ученицей, – робко продолжала разговор Мария, – знаете, я даже готова посвятить жизнь Магии, только покажите мне, как вы это делаете. Мне нужно это видеть и знать, что вы реально это можете.

– Не означает ли это, милая, что тебе нужны доказательства магической силы?

– Да. Мое решение учиться у вас будет зависеть от этого.

– Ученик не может требовать доказательств от Учителя.

Лора опустила голову в глубокой задумчивости. «Не тот материал, не та, совсем не та. Нужна вера, безграничная вера в саму Магию. Без всяких ожиданий, подтверждений, а у неё нет веры, у неё алчность». Лора резко подняла голову и это была уже не та Ведьма, которая встретила Марию вначале. С каждой секундой её внешность менялась, и она постепенно превращалась в старую женщину.

– Мария, ты ошиблась, я ничего этого не умею.

– Нет, нет, не ошиблась, не зря же я нашла вас в этой глуши, – она достала из сумки пачку тысячных купюр, перевязанных резинкой, – вот, возьмите деньги, у меня их много, я еще принесу. Это за учебу.

– Милая моя, тебе лучше их убрать.

– Нет, вы же не позволите им сгореть, а если и позволите, то восстановите их, ведь правда, – и бросила в огонь. Огонь тут же жадно сожрал деньги и на их месте осталась лишь горстка пепла.

– Превратите пепел обратно в деньги. Превращайте! Покажите мне это чудо. Мне говорили, что вы можете, я хочу это увидеть, – неистово кричала Мария.

– Ты ошиблась, деточка, я не умею ничего такого, – спокойно ответила Лора.

Мария пристально всмотрелась в лицо Лоры. Она увидела перед собой обычную старуху, седую, больную, одинокую и безумную бабушку с мутными глазами, седыми, включенными волосами, трясущейся головой и беззубым улыбающимся ртом. «Боже мой, как я могла так ошибиться, это же просто бабка, в ней нет ничего, нет никакой колдовской силы», – подумала Мария, и чувство глубокого разочарования наполнило её душу. Она медленно встала и поплелась к выходу.

– Простите, Лора, я, наверное, сошла с ума, что пришла к вам. Я не должна была. Я еще не готова к этому... Прощайте.

– Прощай, милая, – с еле заметной улыбкой произнесла Лора.

Мария подошла к двери, на мгновение задержалась у порога, оглянулась. Стул, на котором сидела старуха, был пуст. Девушка посмотрела по сторонам в поисках Ведьмы, но её нигде не было.

Что-то изменилось в доме, и пелена тревоги медленно окутала Марию, прошла дрожью по ногам, наполнила тело и поселилась холодным игольчатым страхом в сердце. Её взгляд остановился на зеркале, висевшем у порога. Из глубины зеркала на неё смотрела старая Ведьма с безобразно искажённым лицом и медленно приближалась к ней. Мария невольно попятилась назад, и тут почувствовала, как Лора схватила её за руку, вонзила в неё свои острые когти и алая кровь брызнула на пол. Старуха с силой подтащила Марию к печи, где лежал пепел от сожжённых денег, направила струйку крови на горстку пепла, медленно прошептала два слова, звук которых тихим эхом разнёсся по всей избе, пронзил своей силой и неотвратимостью вселенную, и мощная волна заклинания превратила пепел в пачку денег. В глазах Марии потемнело, всё закружилось, и она упала без чувств.

Тишина пульсировала вокруг. Воздух наполнился тягостным ожиданием, чего-то важного, неотвратимого. Ведьма склонилась над девушкой, положила свою корявую старческую руку на её грудь и продолжала шептать заклинание. Напряжение в воздухе достигло своего

пика и, взорвавшись, рассеялось в пространстве пронзительным звоном, уступая место покою. Через мгновение бездыханное и истощённое тело девушки превратилось в мусор, а Лора поднявшись с колен, отряхнула платье, взяла пачку денег и небрежно швырнула её на полку. Морщины на её лице разгладились, глаза стали ясными, волосы – темными и густыми. По дому ходила молодая женщина, и звали её – Лора. Впереди у неё ещё одна жизнь, чтобы встретить и воспитать достойного себе последователя.

Два становятся одним

Заканчивался последний рабочий день недели, и все сотрудники научно-исследовательского центра в приподнятом настроении расслабленно досиживали время. Сергей Петрович тоже в душе торопил время. Он был весьма сдержанным человеком, малоразговорчивым, но сегодня и на его лице можно было прочесть радость от предстоящих выходных. Тем более, что он с женой и со своими детьми, а их у него трое, собирался на дачу к своему земляку. Сергей Петрович не был москвичом, он родился и вырос в далёкой Сибири. Привычный к природе, ему было трудно жить в столице, и он всегда с удовольствием принимал предложение своего земляка погостить у него на даче. Вот и сейчас он с нетерпением поглядывал на часы. Наконец, пробило пять, и все с шумом покинули кабинет. Выйдя на улицу, мужчина быстрым шагом направился к остановке. Зазвонил телефон.

– Алё. Да, я уже еду. Сейчас придёт маршрутка, и буду дома минут через двадцать. Как дети? Скажи, что скоро приду, и поедem на рыбалку. Научу их ловить рыбу. Нет, никуда заходить не буду, сразу домой.

Можно закончить разговор, но на другом конце повисла напряжённая тишина. Сказать больше нечего ни ей, ни ему, только дыхание, пустота и...

– Не волнуйся, всё в порядке, я еду...

Тишина в телефоне не исчезла, наоборот, она как будто обволокла Сергея Петровича, вцепилась в него мёртвой хваткой, проникая в сознание, удерживая его внимание на себе. И вдруг из этой тишины раздался шёпот незнакомого голоса.

– Отойди от остановки.

– Что? Я не понял.

В этот момент за спиной послышался скрип тормозов и раздался звук сильного удара автомобиля о металлические столбы остановки. Осколки стекла, пластика мгновенно разлетелись во все стороны, попадали рекламные щиты, прохожие с криками в панике разбежались в разные стороны. От удара телефон Сергея Петровича отлетел на несколько метров. Когда искорёженная машина остановилось, все увидели под колёсами окровавленное, неподвижно лежащее тело мужчины – тело Сергея Петровича. Вокруг наступила тишина, когда всё вдруг словно оцепенело: люди, и даже ветер замер. Машина заглохла, а народ облегчённо выдохнул, мысленно благодаря судьбу за то, что эта беда прошла мимо них, и все осторожно подтянулись к месту трагедии.

Через некоторое время приехала полиция, потом скорая, которая хладнокровно зафиксировала «смерть мужчины средних лет в результате несчастного случая». Стоящий неподалеку свидетель этого происшествия подобрал телефон, увидел, что он включен, приложил к уху. На другом конце стояла мёртвая тишина, как будто кто-то внимательно вслушивался к тому, что происходит здесь, стараясь ничего не упустить. Телефон отключили и положили рядом с телом мужчины.

***

В гримёрку местного театра тихо постучали, вернее, несмело поскребли в дверь.

– Входите, кто там, – крикнул Владислав, штатный артист театра, бросая окурки на пол и тут же прикуривая другую сигарету.

Владислав был средних лет, высокий, с красивым лицом и пока ещё стройной фигурой. Выразительные карие глаза, прямой, тонкий нос и красиво очерченные яркие губы позволяли

легко запомнить его внешность, и артиста часто узнавали на улице, в магазинах, в метро. Владислава все любили, где бы он ни был, ему во всем всегда уступали, угождали, искренне восхищались его актерским талантом и внешними данными, и от этого его жизнь была сущим праздником. Учитывая издержки его профессии, он не был женат и вёл самую разгульную жизнь, не гнушаясь никакими способами релаксации. Спиртного он пил много и постоянно, курил непрерывно, и его печень уже начала пошаливать, а сердце напоминало о себе довольно настойчиво. Последнее время он пристрастился к пиву, которое незаметно, но неуклонно портило его когда-то апполоновскую фигуру. Но Владислав не сильно переживал по этому поводу и не видел причины лишать себя удовольствия. «Один раз живём, в конце концов», – проговаривал он всегда, когда чувство вины острым клином вонзалось в его душу. С годами ему всё труднее приходилось восстанавливать по утрам свои силы, но спасительный утренний допинг пока придавал бодрость. И сейчас Владислав с наслаждением пил холодное пиво, придирчиво разглядывая себя в зеркале.

В небольшую открытую щель в двери осторожно протиснулся невысокого роста худенький паренек лет двадцати пяти азиатской внешности.

– Здравствуйте, – несмелым голосом тихо произнес молодой человек.

– Здравствуйте. Вы кто, и как вы сюда попали?

– Извините, можно мне с вами поговорить?

– Поговорить? О чём? Я вас не знаю.

– Простите мою дерзость, мне нужны услуги артиста.

Владислав театрально поморщился, устало откинулся на спинку стула, оценив паренёка с ног до головы своим наметанным взглядом бывшего дельца и, как бы невзначай выпустил сигаретный дым в его сторону. Паренек не смутился, не отвернулся и даже не поморщился от дыма, он смотрел неотрывно и напряжённо в глаза Владиславу и смиренно ждал ответа. Было что-то во взгляде гостя мистическое, от чего у Владислава побежали по спине мурашки.

– Мои услуги стоят недёшево, – произнёс Владислав свысока, набивая себе цену.

– Сколько? Я заплачу, – очень тихо, но все же настойчиво произнёс гость. Было ясно, что он не отступит.

– У меня свой график, который расписан по минутам.

– Я оплачу неудобства, – без раздумий и даже как-то суетливо перебил его паренёк.

– Молодой человек, я не работаю, где попало, – раздражённо выпалил Владислав.

– Понимаете, у меня очень, очень важное дело, а для вас это пара пустяков. От этого мероприятия зависит жизнь, – заискивающе мямлил гость.

Правда, он не сказал чья жизнь зависит от этого, но всё же сдаваться он не собирался.

– Да мне-то что до твоего дела. Тебе лучше покинуть это помещение, тем более, что, я занят, – Владислав потянулся к бутылке с пивом, которая открытой стояла на театральном столике, и сделал несколько глотков, запивая непонятно откуда возникшее, напряжение.

– Надо всего лишь поговорить по телефону, – не унимался паренёк.

– Молодой человек, что же ты такой привязчивый. Если тебе надо поговорить по телефону, зачем приходить ко мне, достаточно достать телефон и набрать номер?

– Нет, я не могу. Если бы я мог, разве бы я пришёл к вам. А вы артист, у вас голос поставленный, вы сможете сказать всё четко и правильно. Я смотрел ваши выступления на сцене, у вас талант, вы любой персонаж сможете сыграть и даже чужим голосом можете легко говорить, и никто не поймет, что это пародия.

– Если не уйдешь сию секунду – вызову охрану, и тебя выставят без разговора, – почти миролюбиво произнёс артист. Он любил лести, какой бы она ни была, и имел порочную слабость уступать ей.

– Пять тысяч долларов, – прозвучало, как выстрел. Голос паренька окреп и стал более настойчивым.

Повисла удушающая пауза.

– Текст большой?

– Надо сказать пять слов, – гость полез в карман за листком с текстом.

– Что за слова? – в голосе Владислава появились деловые нотки, именно сейчас наступил кульминационный момент сделки.

– Их надо произнести на бурятском языке в нужный момент и в определённой тональности, – выпалил молодой человек и совершенно искренне посмотрел в глаза артиста

– Чтооо? – возмущению не было предела.

Владислав встревожился, что-то ему не нравилось во всём этом, он пока не мог понять, что именно, но потом вспомнил, что в каких только условиях не приходится работать бедным артистам. И да, надо бы пить меньше.

– У меня бабушка старенькая живёт там, в Бурятии, и мы с ней каждую неделю в одно и то же время разговариваем, а сейчас я не могу говорить, у меня голос сорван, горло болит, она может не узнать меня и очень расстроится. Этого никак нельзя допустить. Мы с ней всегда в определённое время созваниваемся.

– Вроде у тебя нормальный голос, да и не похож ты на больного.

– Вот возьмите, – паренёк одним движением руки достал из внутреннего кармана пиджака пачку долларов и положил на столик перед Владиславом. При виде денег глаза Владислава округлились, и просьба паренька уже не показалась такой подозрительной, а работа – трудной.

– Ты не даешь мне выбора, – сказал Владислав, по-хозяйски сгребая доллары. – Ну, что там надо сказать?

– Хоёр сагай нэгэндэ.

– Что это значит?

– У меня всё хорошо, бабушка.

– А по-русски нельзя?

– Она не понимает русский

Владислав опять почувствовал себя как-то неуютно. Его интуиция начала беспокоиться, и в утончённой душе бывалого артиста уже появился неприятный осадок, червоточинка, которая где-то на задворках его мутного сознания робко намекала отказаться от затеи, тем более паренёк стал настойчивым, и даже интонация в его голосе сменилась на требовательность. Он просто наступал на Владислава. «Что-то здесь не так», – ослепительной молнией пронеслось в его голове, но в этот момент он почувствовал тепло от пачки долларов, уютно устроившейся в его нагрудном кармане. Расставаться с ней уже совсем не хотелось, и он просто велел своей интуиции замолчать, тем более, что за пять тысяч долларов клиент имеет право быть настойчивым.

Паренёк нервно посмотрел на часы и опять уставился своими черными глазами на Владислава, нетерпеливо подталкивая его к решению. Сомнение и нерешительность не давали ему покоя. «Отказаться от денег? Да я за полгода столько не заработаю в театре. Собственно, что такого, сказать пять слов – пара пустяков». Однако страх не унимался и тонкой струйкой уже проник в сердце. Владислав почувствовал опасность, испугался, его рука инстинктивно потянулась за пачкой долларов, чтобы швырнуть ее гостю, но паренёк, увидев его испуг и поняв, что сейчас все рухнет, в мгновение ока подскочил к Владиславу, остановил его руку и зашипел ему в лицо.

– Нет, ты скажешь эти слова.

– Пошёл вон, щенок!

Владислав с силой оттолкнул незнакомца, снова полез за деньгами, достал их и уже замахнулся, чтобы бросить в парня, но гость внезапно упал перед ним на колени и с умоляющими глазами, сложив руки в намасте, чуть не плача прокричал:

– Ой, простите меня, пожалуйста, я не хотел вас обидеть, это случайно вырвалось. Простите меня. Я очень нервничаю, мне уже пора звонить, я знаю, что бабушка, ей сто пять лет, уже ждёт меня. Если я не позвоню, то многочисленная родня может обвинить меня в нанесении ущерба здоровью нашей бабушки, а это чревато тем, что отец оставит меня без наследства. Он очень богат. Очень. Я вам ещё после телефонного разговора дам две тысячи долларов. Пожалуйста, не откажите, пожалуйста.

«Странно всё это, но чем чёрт не шутит», – Владислав успокоился. Деньги опять скрылись в глубине пиджака и удобно устроились у самого сердца.

– Ну, так бы сразу и сказал. Чего ты комедию передо мной ломаешь?

– Я сейчас позвоню, бабушка будет говорить, вы её не перебивайте, слушайте внимательно. Скажете эти слова, когда она сделает паузу или спросит вас.

– Как я узнаю, что она меня спросила?

– Не сомневайтесь, я рядом буду стоять с вами, и тоже буду слушать.

– Давай свои слова.

Паренёк протянул Владиславу листок со словами и достал телефон. Пока Владислав репетировал текст, гость позвонил. В трубке раздался голос. Паренёк дал в руку Владиславу телефон и сам придвинулся к его уху, чтобы слышать разговор. Голос в телефоне был низкий и даже бархатный. Было ощущение, что это говорит не стопятидесятая старуха, а сильный уверенный мужчина. Владислав в который раз удивился, но подавил в себе все подозрения, тем более, что ещё две тысячи долларов ждали его в конце спектакля. Голос говорил на непонятном языке, неторопливо, ритмично, чётко проговаривая каждое слово, не ожидая ответа. Монолог напоминал молитву. Продолжалось это минут семь, и Владислав уже начал утомляться, но в этот момент в телефоне наступила пауза.

– Говори текст три раза, – зашипел ему в ухо парень.

Владислав по привычке театрально выпрямил спину и пафосно произнес:

– Хоёр сагай нэгэндэ, Хоёр сагай нэгэндэ, Хоёр сагай нэгэндэ.

В ответ в трубке на чистом русском языке произнесли:

– Да будет так!

В следующий момент в глазах Владислава помутнело, и он, как гипсовая статуя, рухнул на пол всем телом. Последнее, что увидел Владислав в своей жизни, – это лицо паренька, склонившегося над ним. Гость внимательно наблюдал за умирающим артистом, не пытаясь помочь ему. Бездыханное тело Владислава замерло и оставалось неподвижным еще несколько минут. Паренёк всё это время не прекращал пристально смотреть в лицо, напряжённо ожидая продолжения. Наконец, на теле показали первые признаки жизни. Мышцы лица напряглись, по нему пробежали судороги. Потом дёрнулась нога, рука, а затем по телу прошла дрожь, и в этот момент открылись глаза. Тело Владислава встало на ноги и прошлось по гримерке, прислушиваясь к себе, присматриваясь к обстановке, как будто оно примеряло новый костюм. Вдруг тело согнулось от внезапного приступа кашля.

– Ну вот, досталась больная печень, прокуренные лёгкие и надрывное сердце.

– Не было времени выбрать другое тело. Это было самое подходящее. Вылечим, Сергей Петрович.

– Да, в прошлый раз получше было.

Коллеги видели, как общий любимчик Владислав вышел из театра с молодым пареньком азиатской наружности, сел в чёрный мерседес и уехал в неизвестном направлении. Его искали

с милицией ещё какое-то время, но потом дело закрыли из-за отсутствия данных, и все благополучно забыли о его существовании.

Завтрак для хозяина

Дуло пистолета грубо ткнулось в висок. Влажная рука мелко дрожит, а тоненькая струйка пота стекает по виску на щеку, оставляя след. Сердце гулко и беспокойно стучит где-то далеко, отбивая тревожные сигналы, но на него не хочется обращать внимания. Чувства полностью завладели сознанием и подавляют любые сопротивления слабого беспомощного здравого смысла. Сейчас прозвучит спасительный выстрел, и мерзкое чувство вины, стыда, сожаления исчезнет навсегда. Вместе со мной.

Она медленно давит на курок – не спешит, тянет время, ещё мгновение жизни, но не сворачивает и неумолимо движется в бездну. И, когда грань становится совсем тонкой, а падение в небытие неизбежно, наступает тот самый последний момент, когда внезапно открывается другое окно, в которое врывается свежий ветер и показывает ей новую панораму реальной жизни, себя и своих чувств. Неразрешимые проблемы, непреодолимые трудности, подтолкнувшие её к этому шагу, мгновенно превращаются в пыль, теряя свою значимость, и их место занимает чувство безвозвратной потери собственного существования, без которого нет ничего – даже стыда и жалких мыслей, гадких поступков и предательских решений. Сознание видит пустоту, и вперёд выходит самая главная ценность всего сущего – жизнь. От такого мощного озарения палец на руке дёргается, и происходит непоправимое. И только аморфное, бесформенное облако накопившихся чувств медленно рассеивается вместе с остатками того, что было человеком.

Навязчивое чувство сожаления и вины, совершив своё подлое дело, победоносно возвращается к своему могущественному хозяину, неся с собой ещё одну жертву самообмана, и кладёт у ног повелителя. Хозяин не спеша съест её на завтрак, и сила его возрастет за счёт ещё одной жизни. Конечно, можно было ещё немного помучить, ещё немного выжать из этой жертвы энергию, усилить стыд или чувство вины, но и так неплохо. Всё равно она вся его.

Он снисходительно улыбается своим верным помощникам – чувствам, делающим самую грязную работу, достаёт из своего драгоценного сундука новые платья для каждого и вновь отправляет их на бrenную землю терзать и мучить людей. Стыд становится ещё более изощрённым и в новом платье будет виртуозно окутывать очередную жертву, притворяясь то совестью, то нравственностью, то принципом, доводя её до отчаяния, покрывая своей туманной разрушительной силой неустойчивое сознание, расшатывая волю, ослабляя контроль за своими эмоциями.

Где-то в другом, параллельном измерении эта же картина мгновенно пронесётся перед её воспалённым взором, она резко одёргивает руку с пистолетом от виска, с ненавистью бросает его в дальний угол.

– Ты кто? – в истерике кричит она на вальяжно развалившегося монстра, к ногам, которого подкатился пистолет.

– Ты не должна меня видеть, – рычит он, опасно озираясь по сторонам.

– Это ты не даёшь спокойно жить? Это ты лезешь в мозг и каждые десять секунд напоминаешь об ошибках? Это ты рвёшь мне душу на части, заставляя чувствовать себя виноватой в том, что уже не вернуть? – вопросы сыпались чередой.

– Что в этом удивительного? Люди живут эмоциями и чувствами, им это нравится. Кроме того, я скажу тебе, деточка, для них это является одним из условий, чтобы чувствовать себя человеком. Они каждую секунду готовы разбрасывать свою драгоценную энергию в пустоту,

переживая то по одному поводу, то по другому, а я всего лишь собираю крупички того, что осталось, то, что никому не нужно.

– Ты провоцируешь на терзания, и эти терзания заволакивают сознание, закрывают солнце, уносят жизнь.

– Я не виноват, что люди слабые и ведутся на свои фантазии, накручивая то, чего никогда не было, – монстр обиженно отворачивается к стене и надувает губы.

– Ах, ты здесь ни при чём? Но ведь это твоя еда, и ты первый заинтересован в её получении.

– Я могу питаться и другим, но пойми, это самая вкусная и лёгкая добыча, увы.

Он пожимает плечами, в его руках появляется маленькая пилочка, и он с воодушевлением берётся пилить свой ноготь.

Она опускает плечи и разочарованно произносит:

– Что же делать?

Монстр пожимает плечами, сделав вид, что его это не касается, ведь каждый сам делает выбор жить именно так, но, немного подумав, отрывается от своего занятия:

– Ты хочешь получить от меня совет, как не давать мне свою энергию?

– Да, хочу, ведь я чуть не убила себя. Я думала, что я делаю все правильно, и это единственный выход из проблем, а потом я поняла, что это иллюзия. И ничего более. А возможно не давать тебе энергию?

– Наверное, нет, ведь для этого надо не эмоционировать, ну, во всяком случае, осознавать этот процесс, контролировать его.

Гость вновь сосредоточивается на своём ногте, исподлобья бросая на неё короткие взгляды.

– Как я могу контролировать чувства или эмоции, они проявляются помимо моей воли?

– Не знаю, это ты сама думай. Но именно они тянут энергию.

– Не быть человеком?

– Оставаясь при этом в человеческой форме, – монстр слащаво улыбается.

– Невозможно!

– Все так говорят. А тебе не кажется, что это просто оправдание собственной лени.

– Надо подумать, как этого достичь.

Монстр перестал пилить свой ноготь, испытываяще посмотрел на неё, ухмыльнулся и утвердительно кивнул головой.

– Ну-ну, подумай, подумай.

А потом исчез, растворился, как будто его здесь и не было.

Игра

На обочине разрушенной и исковерканной дороги, вдалеке от небольшого и тоже развороченного войной города, собрались несколько воинов для выполнения миссии. В нетерпеливом ожидании они переминаются с ноги на ногу – молодые и сильные, красивые и мужественные, обладающие бесконечными возможностями в бою. Вот и я такой же, как они.

Цель миссии проста: сопровождение роботов, оснащённых новейшей системой управления. Эти роботы настолько ценны, что заказчики готовы дать за них хорошую награду. Надо всего лишь привести их целыми и невредимыми в пункт назначения. Задача, надо сказать, не из простых и я с радостью даю согласие потому, что я люблю такие опасные вылазки, меня это заводит, да и жизнью у меня предостаточно.

Я надеваю свой костюм. Он обеспечивает мне самую лучшую защиту, продлевает жизнь, лечит в бою. Таких ни у кого нет. Тонкий и прочный металл на плечах, на локтях, на коленях и еще на спине и на груди. Эти металлические вставки украшает оригинальная гравировка, которая стоила мне большого количества игровой валюты. Но мне не жаль денег, я богат и могу позволить себе многое. На руках и на ногах – плотная драконья кожа, она прекрасно смотрится. И ещё – перчатки – продолжение руки, намертво удерживающие мой магический огненный меч. Чтобы получить такой костюм, нужен опыт, накопленный в сотнях бессонных ночей и дней, в сотнях выигранных боев, поэтому восьмидесятый уровень – это для новичков, я давно уже сто шестидесятого, где и оружие полагается самое мощное и самое лучшее.

Смотрю на себя со стороны. Высокий и сильный красавец, твёрдый взгляд, а кулаки... Сжал-разжал, им вторят мышцы по всему телу. Татуировка дракона поднимается из-за спины и заканчивается на левой щеке языком огня. Боевой шрам на правой стороне лица подчеркивает харизматичность. Люблю себя. Пожалуй, пройду по городу, пока не началось сопровождение.

Здесь осень. Кругом стоят голые, понурые деревья, с обломленными ветками, земля под ногами чёрная и сырая. Небо затянуто тяжёлыми дождевыми тучами, и только ветер чувствует себя вольготно, но он еще больше подчёркивает мрачную осеннюю атмосферу. Сидя в удобном кресле по другую сторону экрана, кожей чувствую морозящий холодный дождь, и невольно всплывает мысль о тёплой толстовке. Но это лишнее. Я опять иду по разрушенному войной городу, и со всех сторон на меня смотрят чёрные глазницы разбитых окон, перекошенные крыши покинутых домов, кругом валяются обломки ржавых машин, а выдранные из асфальта электрические столбы угрожающе перекрывают дорогу. Я люблю эту апокалипсическую атмосферу, это моя стихия. Людей здесь почти не видно, но в восточной части города всё же есть какая-то жизнь.

Я приближаюсь к площади и вижу, как на меня смотрят горожане: кто со страхом, кто дерзко, а кто и с завистью. Мне это нравится. Я следую к рынку, прохожу мимо прилавков и натываюсь на местного жителя, он оборачивается, оглядывает меня с ног до головы и без лишних слов начинает слёзно просить помочь спасти его жену. Зачем мне это? Я знаю, что здесь нет эмоций и каждый сам за себя. Нельзя верить ничьим слезам и уговорам, надо понимать: выгодно помогать или нет. Смотрю на монитор – получу очки, да такие, что вряд ли кто откажется от подобного предложения. С такими очками могу даже сопровождение пропустить. Ладно, пойду.

Заходим с сопровождающим в подворотню – тихо. Проходим дальше, останавливаемся у ободранной двери. Неожиданно появляется охранник и без предупреждения наносит удар, но у меня наготове двуручный магический огненный меч и без особых усилий наношу один удар, второй, третий. Охранник падает, и мы свободно проходим внутрь помещения, где ярко горят лампы. Но это не лампы, это яркое солнце, согревающее землю. Я осматриваюсь, ставлю паузу, чтобы разглядеть красивый пейзаж. Он завораживает. Я вижу вдалеке огромные горы, покрытые растительностью, вокруг меня цветущие сады и голубые озёра. Это похоже на райское место.

– Ты купил хлеб и молоко сегодня? – а это мама, только что пришла с работы. Да, я забыл, она мне говорила.

– Нет.

Идём с человеком через зелёный хвойный лес. Столетние ели касаются меня своими пушистыми ветвями.

– Опять играешь. Послушай, Дима, ты в институт сегодня ходил?

– Нет.

– Нет? – она замирает и неподвижно смотрит на меня – Ты собираешься его заканчивать?

– Конечно, – главное – не отвлекаться.

За соседней елью уловил движение, надо проверить, что там. Вдруг неожиданно сзади кто-то нападает, но мой автомат наготове и я даю смертельную очередь на своего противника. Оглядываю его – это какое-то совершенно уродливое, толстокожее существо, похожее на дракона. Автоматная очередь не помогла. Он продолжает биться и наносит еще удар. Я зверею и включаю усиление. Моя скорость становится выше, удары в три раза сильнее. Я все же победил. Мне очки. Ооо... Неплохо, неплохо. Можно и поохотиться здесь немного.

– Дима, почему ты не ходил в институт? Я с тобой разговариваю – отвечай, – мама злится не на шутку. Сейчас, как обычно, возьмёт ремень из шкафа и начнёт махать, но и уйти из игры я не могу.

– У нас сегодня выходной.

– Что ты мне врешь, что ты врешь? – мама схватила мою футболку и начала хлестать ею по спине.

Мне нельзя отвлекаться. Движение за елью тоже неслучайное. Там поджидает ещё один драконоподобный.

– Сейчас же прекрати играть! Дима, посмотри на себя! Как ты собираешься жить дальше? Кто тебя будет содержать, если ты живешь в каком-то своем нереальном мире? Ты похож на чучело. Маленькое, никчемное чучело!

– Не ори на меня, ты мне мешаешь, – зря я это сказал.

– Что? Ах, я тебе мешаю! Так может быть тебе начать жить самостоятельно? Обеспечивать себя, одеваться и кормиться за свой счет? Наконец, начать оплачивать своё обучение. Щенок! Неблагодарная свинья! Господи! За что мне такое наказание, в чем я провинилась перед тобой?

Мама со злостью бросила футболку на пол и в слезах убежала на кухню. Это она быстро – в слёзы-то. Чуть что и в слёзы. Обычное дело. Она вообще слабая и нервная. Я не видел её спокойной никогда, за всю свою жизнь. Говорят, что мы с ней очень похожи внешне. Одного роста и почти одного размера. Оба от ветра шатаемся. Ни силы у нас, ни мускул – кожа да кости. Мама всё о фигуре своей заботится, то кашу на воде приготовит, то мюсли кипятком зальёт и меня этим же кормит. Ненавижу мюсли, а к мясу мы и не привыкли. Я порой смотрю на свою маму и не понимаю её маниакального увлечения диетами. Она себя просто со свету

сживает. Скоро станет такой маленькой, что вообще исчезнет. Мне кажется, она заигралась с этими диетами и потеряла связь с реальностью.

Так, надо подготовиться к атаке. Кстати где тот мужичок. Он за мной прячется, говорит, что надо бежать, пока целая стая драконоподобных не подошла, и мы побежали.

Слышу, как мама гремит посудой на кухне и не перестаёт ворчать. Что-то меня толкнуло ввязаться в её монолог, я не могу сейчас это объяснить. Потом доиграю. Сохраниться – правило номер один. Срываюсь с места и бегу на кухню.

– Ну что ты до меня докапываешься? Каждый день одно и то же. Оставь меня в покое, представь, что меня нет.

– Иди работай, иди учись, будь мужчиной в конце концов. Ты посмотри на Петьку из третьего подъезда, он и таксует, и учится и девки вокруг него так и вьются. Он живой. А ты всю жизнь намерен перед компьютером просидеть? Я о тебе же забочусь. – мама в сердцах схватила полотенце и опять начала хлестать меня.

– Не нужна мне твоя забота, мне никто не нужен. – кричал я, отмахиваясь от ударов.

Я пропустил этот удар, полотенце проехалось по моему лицу, и я завёлся, начал нервничать и чувствую, как медленно меня покрывает волна гнева. Это чувство своей вязкой энергетикой не спеша окутало меня и намертво сдавило. У меня потемнело в глазах, и я перестал контролировать себя. В этот момент, как будто в меня вселилось какое-то злобное омерзительное существо, а я сам оказался где-то на задворках сознания, и тихо в сторонке наблюдал за происходящим, не в силах пошевелиться.

В голове пронеслось: «доставай свой огненный меч, защищайся». Я почувствовал, как непослушная моей воле рука, потянулась за стаканом, и со злостью швырнула его на пол. В ватные руки попался заплесневелый кусок хлеба и вот он уже летит в стену. Меня трясет мелкой дрожью, я плохо соображаю, но тело, наоборот – в тонусе и само продолжает что-то бросать и крушить, и я не знаю, что меня может остановить. Кто-то в голове твёрдым и уверенным голосом подсказывает, что взять и как бросить и я это делаю. Холодно, расчётливо, отстранённо.

Мама замолкает и заискивающе начинает что-то говорить, но я не слышу, она медленно приближается ко мне и протягивает руку к моему лицу, чтобы усмирить моего внутреннего зверя, но он с силой отмахивается от её руки, и победившая мой разум свирепость уже не имеет границ. Мерзкое существо досадно не рассчитало и со всего размаху ударило мимо протянувшейся ко мне маминой руки, и нечаянно попало по голове. Мама улетела в угол кухни и замерла.

Я остановился, моё презрение и злоба всё ещё бурно фонтанировали, и я по-звериному оглядывал пространство жадными глазами, в поисках продолжения битвы, но никого не было. Кто-то вместо меня положил меч в ножны, облегчённо выдохнул, подсчитал очки и мгновенно куда-то подло сгинул, а мне осталось робко выйти из угла и принять результат этой битвы. Я огляделся. Мне придётся иметь дело с тем, что натворило то существо. В кухне повисла тишина, и только ветви деревьев тихо и ритмично стучались в стекло, подталкиваемые ветром.

Мама маленькая, как ребёнок и бледная, как смерть тихо лежала на полу. Я медленно и несмело подошел к ней. Что с ней? Она умерла? Я убил её? Как же я теперь буду жить? В панике я мучительно вспоминал, что надо делать в таких случаях и, не успев вспомнить, увидел, как венка на её шее слабо пульсирует. Слава богу, мама, ты жива. Чувство радости

было таким искренним, что я даже засмеялся, но опомнился и побежал за телефоном в свою комнату.

Скорая приехала быстро. С мигалками и сиреной маму увезли в реанимацию. Весь вечер и следующий день чувство досады не давало мне покоя. Непривычно щемило в груди, и я даже не могу сказать – что это такое и как называется это состояние. Впервые я не мог сосредоточиться на игре и погрузиться в свою стихию. Оказывается, мне уже нужен этот рабочий фон, когда мама где-то в дальней комнате, не переставая, ворчит на жизнь и ругает меня. Она стала неизбежным условием игры, и надо просто принять это условие, не пытаться с ним воевать. К тому же, мне необходимо, чтобы кто-то хоть иногда разговаривал со мной.

Я пришёл к ней в больницу вечером следующего дня. Маму перевели из реанимации в общую палату, в которой лежало еще пять человек. Я робко заглянул в открытую дверь. Её кровать стояла у самой двери. Мама лежала на белой простыне бледная, худая, с перевязанной головой. Глаза её были закрыты и я осторожно, стараясь никого не беспокоить, подошёл к ней. От моего появления в палате воцарилась тишина, и все напряжённо стали наблюдать за мной. Я не знаю, сколько времени я простоял рядом с мамой. Из глаз моих катились горячие слёзы отчаяния и обиды. Мне было невыносимо жаль маму. Мою маму. Спазмы в горле не давали дышать, я не смог сдержаться и начал громко всхлипывать, а слёзы капали на белую простынь. Я был в отчаянии от бессилия, от невозможности повернуть время вспять и всё исправить. Мама услышала мое всхлипывание и приоткрыла глаза. Я упал на колени перед кроватью и уткнулся в её маленькое худенькое тело.

– Прости меня, мой сын, – тихо прошептала она, – я чуть не сломала тебе жизнь, – по её щекам тоже текли слёзы.

– Но ведь это я чуть не убил тебя.

– Я позволила этому случиться своим поведением, своим неправильным отношением к тебе. Я плохая мать.

– Что же мне делать, мама?

– Мы что-нибудь придумаем, не переживай.

В этот момент окно с грохотом открылось, и в палату ворвался свежий весенний, тёплый ветер. Тонкие занавески поднялись к потолку, со стола слетели старые газеты, с прикроватных тумбочек вспорхнули белыми голубями салфетки и медленно покачиваясь, легли на пол. Ветер развеял по больничному коридору напряжённую, звенящую тишину, стоящую в палате и все зашевелились. Кто-то побежал закрывать дверь, кто-то окно, люди начали переговариваться между собой, удивляться необычному порыву ветра. И я понял – всё изменилось для меня: мама, я, этот город, моя жизнь.

Я ходил в больницу каждый день после занятий. Мама почти не разговаривала, она тихо плакала, а я рассказывал, как у меня прошёл день. Через месяц её выписали. Когда пришёл полицейский, мама отказалась писать на меня заявление. Однажды она мне сказала:

– Дима, я много думала и решила, что нам надо разъехаться с тобой. Тебе придётся самому устраивать свою жизнь.

Мама обменяла нашу большую квартиру на две маленькие и ушла.

Я выживаю каждый день, каждое мгновение в этом безумном и сложном мире. Я устроился на подработку в ближайший магазин грузчиком, ещё меня взяли по совместительству в небольшую фирму чинить компьютеры и сейчас я очень редко открываю мою, когда-то люби-

мую, игру. Работаю я в основном по вечерам и ночам, а днем хожу в институт. С мамой мы почти не видимся, а когда она мне позвонит – нам не о чем говорить и между нами всегда звенит напряженная тишина. Сейчас я вынужден сам решать все свои бытовые вопросы и мне это нелегко. Но я справлюсь, я привыкну. Я это знаю.

Осень жизни

Серая осень стучалась в окно мягким дождевым шорохом. Внезапные порывы ветра то усиливали, то ослабляли этот гипнотический осенний шелест, закрыв небо густыми темными тучами, и сумерки стали вечностью. Виктор грустно смотрел, как с деревьев, растущих перед окном его спальни, слетают последние листочки, а вместе с ними растворяются его последние туманные воспоминания, оставляя голую и неприглядную суть его человеческой души.

Вот уже неделю он лежал в своей постели и чувствовал, как смерть медленно и настойчиво подступает к нему. А началось с того, что он в обычный послеобеденный перерыв просто прилёг отдохнуть, но после сна понял, что не восстановился, и ему не захотелось вставать. Благо, что он может себе позволить не ходить на работу: ведь он был хозяином своего предприятия. Так и пролежал весь день, а потом ещё день и ещё. А на четвёртый ему почему-то было трудно подняться, повернуть голову, ответить на вопросы родственников, у него пропал аппетит, и не хотелось думать. Силы уходили из него, и он, не шевелясь, лежал с прикрытыми глазами, а тело просило только одного – покоя. Он устал. Виктору было семьдесят два года. Он прожил очень бурную жизнь, добился многого и стал весьма богатым человеком.

Но сейчас ему не хотелось вспоминать об этом, и не было сил сожалеть о чём бы то ни было. Наверное, это смерть впрыснула свое противожизние, чтобы не было так мучительно уходить, чтобы не хотелось сопротивляться. Одна мысль «надо что-то делать» периодически накатывала на него бодрящей волной и слегка будоражила его угасающее сознание. Виктор сразу начинал интенсивно думать, но сил хватало на несколько минут, и он снова засыпал. Мысли приходили всё реже, а тело уже начало привыкать к неподвижности и немощности, и он почувствовал, что перестал сопротивляться такому состоянию, перестал искать варианты выхода из него и практически смирился с неизбежностью.

Однажды, очередным серым утром, когда ветер унёс последний жёлтый лист с дерева, растущего перед окном, в голове Виктора яркой вспышкой пронеслась мысль: «Всё...». И тут он испытал в своей душе слабый, но всё же протест: «Нет, так просто я не сдамся». Туманный взгляд Виктора в поисках спасения скользил по стенам, тумбочкам, люстрам, искал спасительную соломинку, за которую можно зацепиться. Он увидел лежащую неподалеку записную книжку, где хранились контакты нужных ему людей. Мысленно он стал перелистывать листочки один за другим, но не находил никого, кто бы мог ему помочь. Когда он дошёл до буквы «к», то в голове возник образ маленькой женщины – колдуньи, которая была в его жизни ещё во времена его молодости.

Виктор вспомнил, как когда-то давно, лет тридцать назад, помог ей. Колдунья зарабатывала себе на жизнь тем, что помогала людям: совершала заговоры, а иногда и ритуалы, варила настои. Окружающие относились к ней по-разному: кто-то уважал, а кто-то боялся, но были и те, кто ненавидел. Помнится, обидели люди крепко тогда колдунью, дом сожгли, саму чуть не убили, а Виктор защитил её. Увёз в самый глухой район города и купил ей дом, не попросил с неё ни копейки – просто подарил. Целительница поблагодарила и пообещала помочь, когда придёт время. Кажется, это время пришло, и пора обратиться к ней за помощью. Виктор прошептал своей сиделке адрес и сказал, чтобы срочно привезли к нему эту женщину.

Через час в дверь постучали, а потом тихо вошли. Да, это была та самая колдунья. Совсем не изменилась и даже не состарилась. Она бесшумно подошла к Виктору, положила руку на его ладонь и замерла, прислушавшись, как жизненная сила едва пульсирует в его теле.

– Я помню все добрые дела, которые ты сделал для меня, я верну тебе этот долг, – она облегченно вздохнула. – Я знаю только один способ, как продлить тебе жизнь. Помнишь, мы когда-то с тобой говорили об этом. Ты тогда не принял это всерьёз... Другого способа нет, поверь мне.

Гостья сделала паузу, потом тихо спросила:

– Ты согласен?

Виктор обречённо кивнул головой.

– Да, согласен.

– Тебе надо решить..., – она опять многозначительно замолчала.

– По-другому нельзя?

– Ты же знаешь, что нет.

Виктору вспомнился его правнук двадцати лет отроду. Молодой и сильный, красивый и умный. Жил, правда, беспутно, кутил, гулял, не ценил то богатство, которым владела семья. Все его осуждали, но он словно не замечал этого. Не работал, учился только под угрозой, но зато энергии у него было, хоть отбавляй. Однако распорядиться ею правильно, с пользой он не умел и не старался. И что его шальная

молодость по сравнению с мудростью Виктора, его опытом и теми нескончаемыми миллионами, которые он уже заработал и ещё заработает? Ведь именно на них живёт вся его многочисленная родня.

Он открыл глаза и решительно перевёл взгляд на фотографию своего правнука, стоящую на комодке напротив кровати. Виктор не хотел умирать, не хотел покидать этот мир. В этот момент ему показалось, что много радостей прошло мимо, что он не насытился жизнью до конца. Он вспомнил, что не позволял себе отдыхать полноценно, не умел развлекаться, даже не путешествовал, а только работал без усталости двадцать четыре часа в сутки и не замечал, как время ускользает, оставляя в памяти лишь, какие-то обрывки прожитых лет. Он определённо заслуживает отсрочки и не может вот так взять и умереть. Только бы остановить смерть, не впускать её в свою жизнь.

Колдунья проследила за его взглядом, подошла к комоду, взяла фото, повертела его, на обратной стороне прочитала имя молодого человека.

– Я поняла.

И тихо вышла из комнаты, прихватив с собой фото и не беспокоя Виктора. Она прекрасно знала, что происходит в его душе, понимала, что нет слов для его утешения, но выбор сделан и её обязанность – исполнить поручение.

Это даже было не поручение, а затаенный долг, который камнем висел на ней многие годы. Не проходило и дня, чтобы она не вспомнила о нем. Как будто этот долг ржавым гвоздём приковал её к этому миру, зацепил за время, вновь и вновь возвращая в прошлое, не позволяя заглянуть вперёд. И пока она не вернёт то, что было ей подарено этим человеком аналогичной по энергетике услугой, не восстановит вселенское равновесие, ей не будет покоя. Таков закон магии. Практикующие должны быть свободными, прежде всего, от старых привязок, от долгов любой формы, чтобы в полную меру использовать колдовские возможности. Поэтому они стараются лишней раз не давать обещаний и не принимать подарки. Если это произошло, то выполняют обещания с особой скрупулезностью, а полученный подарок стараются восполнить своими услугами. Колдунья долго ждала, и вот, наконец, пришло время, и она была рада освободиться от этой зависимости.

***

Денис резко открыл глаза, соскочил с постели и бешено замахал руками, как будто кого-то отгоняя от себя. Потом, осознав, где находится, потряс головой и тихо присел на краешек

кровати. Пот струйками катился по его лицу, а сердце бешено стучало в груди. Сон, слава богу, это сон. Но что это было? И страшный ночной эпизод постепенно восстановился в его памяти со всеми деталями, красками и переживаниями.

Он вспомнил, как во сне сидел перед камином и курил трубку. Приятно трещали поленья, разбрасывая маленькие искорки, тепло медленно заполняло комнату, а полумрак погружал в приятную негу. Аромат табака был терпким, он, проникая в складки одежды, в волосы, в поры тела, отпечатывался на его лице блаженной улыбкой, абсолютным счастьем, и не было конца этому наслаждению.

Глядя на огонь в камине, Денис медленно затянулся и не спеша выпустил дым. На сей раз дым не рассеялся, а собрался вокруг него. Он был очень густой, слегка сероватый и постепенно начал сгущаться, уплотняться и приобретать очертания, а через мгновение из дыма показалось лицо старика. Дым становился всё гуще, а лицо – всё явственнее. Старик неотрывно смотрел на Дениса своим неподвижным взглядом, излучая мертвенный холод, который постепенно заполнил пространство. Этот невидимый, но осязаемый холод по-хозяйски погасил огонь в камине, выгнал тепло из помещения и коснулся тела Дениса.

Денис почувствовал, как озноб медленно проник в его душу, заглянул во все её уголки, оставляя чувство пустоты, потери, отчаяния, отразившееся в гримасе ужаса на лице и ледящего страха в глазах. Холод вытолкнул из его тела тепло, а вместе с ним и его жизненную силу. Старик рос и креп, повисая над Денисом густым бело-серым дымом, заполняя собой всю комнату, а Денис слабел и не мог шевельнуться. И, когда его тело стало маленьким и сморщенным, старик коснулся своей дымной рукой его лба и металлическим голосом произнес: «Моя жизнь». Звук эхом раскатился по всей вселенной, проник во все миры и прогремел, как закон. И в этот момент дым рассеялся, а вместе с ним исчез и старик, а Денис очнулся в своей кровати, слабый и напуганный.

Его знобило. Денис попытался согреться под горячим душем, но это мало помогло. Страх и холод как будто поселились в нём, проникли в каждую его клеточку и не желали никуда уходить. Не радовало утреннее солнце, отпало желание заняться спортом, не хотелось есть, слушать музыку. Он распластался

на кровати и, неотрывно глядя в потолок, не шевелясь, пролежал час. В памяти лениво всплыл образ его подружки красавицы Даши. Он вспомнил её тёплые, мягкие руки, курчавые, непослушные волосы, нежный голос, и его душа откликнулась на эти воспоминания. «Поеду к ней», – подумал он и взял телефон, чтобы договориться о встрече. Он зашёл в список контактов и, перелистывая, наткнулся на телефон своего деда. Остановился на секунду, подумал немного завистливо, что неплохо было бы стать таким же, как он – сильным, умным и богатым. «Навещу сначала деда, пожалуй».

Денис вышел из дома, сел в свой шикарный Ламборгини ядовито-синего цвета, параллельно набирая номер телефона деда. Машина тронулась с места и подъехала к воротам дома.

– Алло, – в трубке послышался слабый голос Виктора, звучащий, как будто из преисподней, а Денис снова почувствовал холод и страх, но не обратил на это внимания.

– Здравствуй, дед, это Денис. Можно приехать к тебе? – он выехал на пустую трассу и мгновенно разогнался, почувствовал, как машина рассекает ветер, а тело приятно отзывается на высокую скорость. Ощувив себя в своей стихии, юноша забыл все свои кошмары.

– Да, можно, – чуть слышно ответил Виктор.

Денис отвёл взгляд от дороги на телефон, чтобы нажать кнопку завершения вызова, а потом набрать Дашу, и в этот момент из-за поворота на огромной скорости выехал грузовик. Он мгновенно, не успев притормозить, съёз ядовито-синий Ламборгини. От удара машина Дениса оторвалась от земли на несколько метров, перевернулась в воздухе и рухнула на дорогу, в одно мгновение превратившись в грудку железа. Из разбитого окна со стороны водителя была видна окровавленная безжизненная рука Дениса. Она лежала на асфальте и крепко сжимала

телефон. Вокруг повисла тяжёлая гнетущая тишина, и даже птицы исчезли, кузнечики не стрекотали и, казалось, весь мир замер, время остановилось. Как будто кто-то свыше зафиксировал случившееся, и немедленно выправил залом в паутине вселенского рисунка, вставил недостающую деталь и он приобрел целостность. И вновь застрекотали кузнечики, а время продолжило свое течение. Долг выполнен, и равновесие восстановлено.

***

Виктор внезапно ощутил в своём теле непреодолимое желание встать с кровати, пройтись по дому, проверить, что там, в комнатах, у него даже возникло чувство голода. Он пошевелил рукой, потом ногой и понял, что силы возвращаются к нему. С глаз спала пелена, ушла сонливость, куда-то подевалось чувство беспомощности, безнадёжности, жалости, и он вновь смотрел на мир ясным взором. Виктор осторожно встал, прошёлся по комнате, всё ещё не веря своему возрождению, подошёл к зеркалу, посмотрел на себя и ужаснулся. Худой, с впалыми глазами, с лицом серого цвета, с седыми, включенными волосами, но всё же живой. «Ничего, приведу себя в порядок», – подумал Виктор и почувствовал непреодолимое притяжение в комнату, где хранилась его любимая старенькая трубка, как будто она позвала его. Он поспешил к шкафу, нетерпеливо открыл дверцу с табачными принадлежностями, увидел на подставке свою трубку и обрадовался ей так, как будто она была самым дорогим существом в его жизни. Трубка сияла, она ждала его прикосновения. Виктор бережно взял её в руки, наполнил табаком и закурил. Он наслаждался почти забытым ароматным табачным вкусом, заполняя комнату бело-серым дымом, а трубка, вторя ему, радостно потрескивала. Он выпустил дым и удовлетворённо кивнул головой то ли густому дыму, то ли своим мыслям. Он знает, как он будет жить дальше.

Память

– Добро пожаловать в наш магазин, – тёмные глаза встречающего охранника в маске, смотревшие на меня исподлобья у дверей магазина «Охота» не были такими же доброжелательными, как его слова. Но это не стало поводом развернуться и пройти мимо, я уверенно шагнула внутрь магазина и сразу попала в другой, незнакомый мне мир.

Зал магазина был большой и просторный, маленькие прилавки, стеллажи и витрины терялись в нём, и казалось, что помещение почти пустое. Приглушённый свет создавал особую интригующую атмосферу, а яркие подсветки прилавков ещё больше её подчеркивали. Я ходила по залу магазина, как по музею, и с интересом разглядывала каждый предмет.

Вот отдел холодного оружия. Блеск и изящество их форм очаровали меня, и время потеряло счёт. Я смотрела на многочисленные ножи и кинжалы, уютно лежащие на своих мягких, бархатных футлярах, вызываясь демонстрируя свои великолепные и сияющие тела. Они притягивали взгляд, будоража воображение. Совсем близко от них разместились стенды с огнестрельным оружием. Карабины, винтовки, автоматы, пистолеты выстроились, как на параде, и замерли, показывая свою стальную молчаливую мощь, грацию, силу и готовые хоть сейчас перейти в хорошие руки.

Отдельно от всех в самом дальнем углу магазина был ещё один отдел. По мере приближения, моё сердце начало усиленно стучать без всякой на то причины и это меня немного удивило. Когда я зашла на территорию отдела, мне показалось, что я очутилась в другом, давно позабытом мной мире. Особая тишина, царившая здесь, как будто ждала меня, мгновенно втянув в свое лоно и создав внутри меня еле уловимое чувство дежавю. Это был отдел арбалетов.

Я стояла перед открытой витриной и почти не дышала. На высоких стойках, на стеллажах лежало древнее оружие. Арбалеты, луки и стрелы смотрели на меня с превосходством, они излучали какую-то особую энергетику магической силы. Постояв в оцепенении, я почувствовала, как эта таинственная вибрация, исходящая от арбалетов, тонкой, еле заметной демонической струйкой начала мягко проникать в мою душу и наполнять её, засвечивая фрагменты чьей-то памяти, активизируя желание покорять, править, властвовать. Я чувствовала, как Дух Арбалета медленно, осторожно насаждает мне свою волю, настойчиво втягивая в свою воинственную стихию. И вот уже моё сознание поддакивает ему, и я готова с головой окунуться в беспокойный мир отважных воинов, мужественных охотников и сильных духом людей. Где-то глубоко внутри меня всё ещё существует память далёких предков, которые оставили свой неизгладимый след в моём генокоде. Во мне живы эти первобытные инстинкты, и, подчиняясь этой проснувшейся неукротимой силе, я нерешительно протягиваю руку к арбалету, бережно касаюсь и слегка поглаживаю его сильное, но пока ещё спящее тело. И в этот момент я почувствовала, как слабый электрический импульс, идущий от оружия, пронзил кончики моих пальцев, незаметно прошёлся по рукам электрической дрожью и растёкся по телу теплом.

Арбалет проснулся, напрягся, и я поняла: он чувствует меня и готов показать мне волшебный мир давно спящих побуждений, готов оживить то, что приносит удовольствие, наслаждение от виртуозного владения предметом силы. Мне стоит только решить для себя, что арбалет мой, и искусный Демон страсти и животной силы тут же овладеет моим сознанием и навсегда покорит моё сердце. Я забуду о своих обещаниях, о своих целях, я забуду себя и полностью буду принадлежать ему – Арбалету. А он, настраивая меня на свой ритм, научит обращаться с собой, покажет приёмы, укрепит мой дух, разовьёт волю и сделает меня непобедимой и в стрельбе, и в жизни, и в своих принципах. Он будет править моим сознанием, делая его быстрым и точным, он будет управлять моим телом, делая его сильным и грациозным. Он покажет мне Путь, который наполнит мою жизнь смыслом, и уже никогда не позволит вер-

нуться в тот обыденный и унылый жизненный ритм... Всё это кинематографической лентой мгновенно пронеслось в моей голове, и я как будто прожила целую жизнь.

Мои пальцы вздрогнули и медленно отпустили арбалет, а потом целую вечность рука возвращалась на место. У меня уже есть Путь – моя Магия. Арбалет удивлённо замер, прислушался ко мне, на долю секунды показал мне своё почтение, отступил с поклоном назад и уснул, уходя в свой мир ожидания тех рук, с которыми он навсегда сольётся в едином ритме.

Дар

Однажды в Москве, я гостила у своей приятельницы Натальи. Наташа жила в большой просторной квартире с сыном и мамой Зоей Фёдоровной. Это были очень спокойные люди, они вели тихую, размеренную жизнь. По вечерам Наташа с Зоей Фёдоровной, сидя в большой кухне за круглым столом, отдыхали, смотрели телевизор, обсуждали новости, тихо вели задушевные беседы. И это было так просто и естественно, что казалось, и за пределами этой кухни, за стенами большого многоэтажного дома, там, в бескрайней Москве, тоже царит такая же умиротворенная атмосфера. Проводя с ними время, я чувствовала, как уходит моё напряжение, как тепло их сердец растекается по моим звенящим нервам, и я становлюсь податливой и размякшей, как растаявшее мороженое. Я просто слушала их воркование, мягкий смех, разговоры ни о чём, и этого было вполне достаточно, чтобы чувствовать себя счастливой. Атмосферу дополняли нестерпимо аппетитные ароматы хрустящей курочки из духовки, пухлых ванильных булочек с изюмом и горячего благоухающего чая.

В один из дней мы с Зоей Фёдоровной были вдвоём и, как уж повелось, сидели на кухне. Чашки с ароматным чаем стояли на столе, сладкое печенье манило из вазочки запахом ванили, а телевизор почему-то был выключен, да и кроссворды закончились: не успела сегодня Зоя Фёдоровна купить новый журнал. Часы на стене ритмично тикали, подчёркивая тишину в квартире, а в окно мрачно смотрела тёмная январская ночь. В зимнее время года темнота вечеров и ночей особенно непроницаемая, бездонная, манящая, она бесцеремонно затягивает в свою беспросветную глубину. И когда случайно бросаешь взгляд в сторону окна, мгновенно возникает неумолимое притяжение, оно заставляет безропотно встать с места, подойти к окну и прильнуть горячим лбом к обжигающе холодному стеклу, чтобы без всякой цели заворожённо смотреть в эту ночную бездну. Но, не увидев ничего, сесть на место, а через некоторое время опять почувствовать в душе некий зов, и вновь без всякой причины подойти к окну. Именно такая тьма смотрела в наше разрисованное зимним узором окно.

Зоя Фёдоровна тоже поглядывала в темноту ночи за окном, но её взгляд был тревожным, как будто она случайно стала свидетелем чего-то тайного и запретного. По её лицу пробежала лёгкая, почти незаметная волна беспокойства, однако движения оставались такими же неспешными и уверенными, как и всегда, в них не было напряжения или суеты, только глаза старательно что-то скрывали.

– Какая ночь сегодня тёмная, и Луны, кажется, не видно, – Зоя Фёдоровна подошла к окну, нырнула в январскую темноту, посмотрела по сторонам, а когда повернулась, то её глаза были широко открыты и неестественно блестели. Зоя Фёдоровна смотрела сквозь меня, а на её лице застыла странная гримаса, выражающая презрение неизвестно к кому. Она, как зомби, прошла от окна к плите, механически включила чайник и начала привычными движениями мыть посуду, переставляя тарелки с полки на полку.

– Сегодня новолуние, поэтому так темно, – ответила я беззаботно, уплетая печенюшку. – Я знаю, что в новолуние грань между нашим и потусторонним миром становится тонкой. Говорят, что существа, которые живут в других измерениях, в это время могут легко проникнуть в наш мир, заявить о себе, показаться. Могут даже шалить, подшучивать над людьми или вредничать.

– Ты знаешь, я бы с этим согласилась. В какой книге такое написано? – женщина повернулась ко мне. Это уже была прежняя Зоя Фёдоровна с добрым лицом и милой улыбкой.

– О новолунии много написано книг. Про потусторонние силы там тоже есть. Считается, что время новолуния вселенная специально выделила для тёмных сил. Только кто их видит?

– А ты сама видела хоть раз эти тёмные силы? – Она вцепилась в меня своим пронизательным взглядом, пустила в меня два невидимых щупальца, которые бесцеремонно залезли в душу и начали по-хозяйски ползать по её закоулкам. Я замерла на секунду, прислушалась, и вдруг мне стало не по себе, внутри меня начал расти страх: то ли от странного взгляда Зои Фёдоровны, то ли ещё от чего. Мне показалось, что что-то неуловимо начало меняться в пространстве: привычный домашний уют рассеялся, как туман, и его место заполнило нечто незнакомое, гнетущее, давящее и парализующее. Эта чуждая энергетика окутала меня и медленно просочилась внутрь, заставляя дрожать каждую клеточку моего тела. Незнакомым низким голосом я ответила:

– Я не вижу их, слава богу, но я знаю людей, которые чувствуют их присутствие, они мне рассказывали об этом.

Я неотрывно смотрела на Зою Фёдоровну, а она на меня, в её взгляде было превосходство, я бы даже сказала, надменность. Её гримаса улыбки говорила, что я ничего не понимаю ни в жизни, ни в тёмных силах, ни в новолунии, а она знает об этом всё.

– А вот я вижу их, понимаешь, чувствую и вижу, – Зоя Фёдоровна с напором произнесла эти слова, – и это происходит помимо моей воли. Ты знаешь, эти существа приходят ко мне сами. Я их не зову, не думаю о них, а они вдруг появляются в моей жизни, заходят в мой дом и располагаются, как в своём. Наверное, я родилась с этим, – она замолчала.

– Это необычно для человека, – почти прошептала я, чтобы хоть что-то сказать в повисшей тишине.

– Ты думаешь – это проклятие или дар? – неожиданно спросила она.

– Не знаю. Как посмотреть. Мне кажется, сначала – дар, но ведь любой дар может превратиться в проклятие, если игнорировать его, убежать от него и даже презирать его.

– И что по-твоему я должна с этим делать?

– Возможно, дар даётся, чтобы сделать наш мир лучше, чтобы внести в него какие-то новые детали, краски, сделать самого человека совершеннее. От этого может зависеть дальнейшее развитие нашей цивилизации.

– А я здесь при чём?

– Может, вы самый подходящий материал для этого, и потусторонние силы выбрали вас? И, если развивать этот дар, например, как музыкальный слух, то он поможет посмотреть на наш мир по-другому.

Зоя Фёдоровна хмыкнула:

– Вот бы ещё знать, как развивать. Знаешь, я расскажу тебе кое-что. Я этих существ вижу физическим зрением, как тебя сейчас, – она бросила быстрый взгляд на окно и продолжила. – Это бывает не постоянно, но иногда они откуда-то появляются передо мной, как будто проходят через стену, и оказываются в моей комнате. Они тоже меня видят, но я не могу их прогнать. Мне приходится с ними жить какое-то время, а потом они уходят, исчезают ненадолго. В последний раз они приходили три месяца назад, побыли рядом со мной недели две и опять исчезли. Как будто у них там погода сменилась, сезон закончился, или перегородку особую кто-то поставил, и они исчезают, а может, я их просто не вижу, но они всё равно рядом. Они ничего не делают мне плохого, не мешают, не вредничают, как будто живут своей жизнью – сами по себе. Мне даже кажется порой, что они ко мне привыкли, я для них как часть интерьера. Я об этом стараюсь никому не говорить, потому что меня сочтут сумасшедшей, но я не сумасшедшая. Понимаешь меня? Не сумасшедшая, – она стукнула себя кулаком в грудь и долго смотрела на меня.

– Конечно, конечно, понимаю, – закивала я, – хорошо, что эти существа не указывают вам, что делать и как жить.

Зоя Фёдоровна как будто не слышала, а продолжала говорить сама по себе. Она была рада возможности вслух, не боясь ничего и никого, выговориться об этом, что у неё, наконец, нашёлся слушатель, и она может говорить громко о самой большой своей тайне.

– И почему это именно со мной происходит, я не могу понять. Мало того, что я вижу их, но я ещё и много чего чувствую. Чувствую присутствие кого-то, могу предугадать событие, людей чувствую, их настроение и мысли, их намерения. Как мне с этим жить? Что мне с этим делать? – Она замолчала, задумалась, плечи её поникли, и на лице проявились морщинки. Потом она встrepенулась, придвинулась ко мне всем телом и с отчаянием, понизив голос до шёпота и пристально глядя мне в глаза, произнесла:

– Вот ты думаешь, сейчас их нет? Как бы не так. Посмотри за окно, их там кишит. Их столько, что не сосчитать.

Зоя Фёдоровна замерла, продолжая смотреть на меня, а вязкая тишина, заполнившая пространство, сковала меня своей липкой паутиной, не давая шевельнуться. Моё восприятие изменилось, и, глядя на Зою Фёдоровну, я видела, как громоздкий кухонный гарнитур за её спиной стал игрушечным, совсем маленьким и далёким, а тёмный экран телевизора напоминал листок бумаги А5, и только Зоя Фёдоровна была большой – во всю кухню. Она склонилась надо мной огромной горой, как будто пыталась придавить меня своим весом, и что-то ритмично шептала мне в лицо. В этот момент как будто некая сила высоко подняла меня и поместила под потолком, и я пассивно смотрела на происходящее. Однако тело моё сидело на стуле, и было вполне осязаемым.

Вдруг я почувствовала, что кто-то совершенно реальный находится здесь, в этой кухне, тихо стоит рядом со мной, возможно, за моей спиной и нагнетает атмосферу своей незнакомой и тяжёлой энергетикой. Холодные мурашки страха пробежали по спине, и моя голова, помимо моей воли, медленно повернулась в сторону окна. На разукрашенном зимними узорами стекле, на меня смотрела все та же тёмная ночь, но на этих узорах совершенно явно были видны оттаявшие пятна бездонных чёрных глаз и усмехающегося рта. Я охнула.

– Боже мой, что это? – робко спросила я.

– Это всё они, но тебе повезло: ты не видишь их постоянно, а мне вот досталось.

Она отклонилась от меня, отошла к плите, привычными движениями налила себе чай, громко размешала сахар. Звонкий стук железной ложки о фарфоровую чашку прогнал напряжённую тишину, стёр фрагменты потустороннего присутствия, и моё сознание вернулось в привычный режим восприятия, а домашняя атмосфера заполнила кухню.

Я с облегчением выдохнула, вытерла салфеткой лоб, уловила тиканье часов на стене, почувствовала тепло, а когда глянула на окно, то небольшие оттаявшие пятна на стекле уже не казались мне чьими-то глазами. Я успокоилась. Зоя Фёдоровна, сидя за столом, откусывала печенье, запивала его чаем и говорила тихим голосом, не обращая внимания на мои волнения.

– Мне говорили, что энергетика этого района очень тяжёлая. Здесь в былые времена казнили людей, расстреливали. Мне кажется, я иногда слышу их дикие стоны, чувствую их предсмертный страх. Здесь всё пропитано этим страхом. Как здесь можно жить постоянно, я не знаю. Трудно обрести покой в таких условиях.

Зоя Фёдоровна замолчала, а потом встrepенулась всем телом, как будто стряхнула с себя что-то мерзкое, неприятное, и удивлённо посмотрела по сторонам, как смотрят, когда возвращаются домой.

Больше она не говорила со мной на эту тему, словно и не было вовсе этого разговора. Ни взглядом, ни жестом, ни словом она не напоминала мне об этом эпизоде, и та магическая тайная связь, которая возникла между нами, исчезла в одно мгновение. Мне даже казалось, что это не она со мной говорила, а кто-то другой в образе Зои Фёдоровны, а она и не знает ничего про этот разговор. Я тоже не напоминала.

Вскоре, я уехала из Москвы и не общалась с Зоей Фёдоровной, а Наташе звонила очень редко.

***

Однако этот случай не уходил из моей памяти, я всё думала о непростой судьбе таких, как Зоя Фёдоровна. Им нелегко жить одновременно в двух мирах и при этом выглядеть адекватно. Ведь у таких людей образы появляются сами по себе.

Прошло несколько лет с того случая, и однажды в разговоре по телефону Наташа рассказала мне о дальнейшей судьбе её мамы.

Зоя Фёдоровна возвращалась в Москву из далёкого города на поезде. Она любила поезда, любила душевные разговоры с соседями по купе, ей нравился монотонный ритмичный стук колёс, убаюкивающее покачивание вагона. А ещё ей нравилось смотреть, как мелькают за окном маленькие деревеньки и большие поселки, нравилось заглядывать в окна проезжающих домов, случайно подсмотреть маленький фрагмент чужой жизни, а потом тихо оценивать её и радоваться про себя за добротный дом, или, наоборот, сетовать на нерадивого хозяина. Вот и сейчас она смотрела в окно и пила горячий чай с любимым печеньем. Соседка по купе уткнулась в книгу на своей полке и не поддерживала разговор, поэтому Зоя Фёдоровна предавалась своему любимому занятию.

Зазвонил телефон, и, увидев, что звонок от дочери, она взяла трубку.

– Да, дочка.

– Мама, я улетила в Прагу, меня срочно вызвали, поэтому не смогу тебя встретить. Тебе придётся самой добираться до дома.– Наташа торопливо говорила, чтобы успеть сказать самое важное, пока не прервалась связь.

– Но как же я попаду в дом, у меня и ключей-то нет, – заволновалась Зоя Фёдоровна.

В этот момент телефон отключился, и, сколько бы она ни пыталась дозвониться, аппарат находился вне зоны действия сети. Сама дорога до дома её не пугала, она прекрасно ориентировалась в московском метро и доехала бы без помощи, но как быть дальше?

Зоя Фёдоровна не знала, что делать, она легла на свой плацкарт и отвернулась к стенке. В её голове мгновенно возникла картина, как она с сумками одиноко стоит в подъезде дома в ожидании дочери, которая неизвестно когда придёт, и не может попасть в квартиру. На протяжении нескольких часов, она не прекращала терзать себя своими думами, накручивая одну версию за другой, рисуя в своём воображении красочные картины страшного развития событий. Мысленно она уже прожила в подъезде, как бомж, несколько суток, презираемая всеми соседями и собой тоже. Вскоре Зоя Фёдоровна почувствовала тяжесть в голове и поняла, что у неё поднялось давление, тем более, что голова кружилась, а в глазах периодически мелькали чёрные точки. Надо бы выпить таблетку, но она

почему-то не сделала этого, а только безутешно тихо плакала. Соседка по купе услышала её плач и вежливо поинтересовалась: «что случилось?», но Зоя Фёдоровна не могла остановиться. Всклипывая, она сбивчиво поведала попутчице свою историю. «Ничего, всё образуется», – произнесла соседка и снова уткнулась в книгу.

И в этот момент что-то произошло в голове Зои Фёдоровны. Привычная реальность в одночасье растворилась, распалась на отдельные фрагменты, а за ней показалась другая, которую она тщательно скрывала даже от себя, избегала её. Сильное нервное напряжение, беспокойство сбили её сознание, разрушили всю конструкцию её привычного мира, и на сцену вышли образы из её далекой, пугающей вселенной.

Зоя Фёдоровна села на свою плацкартную лежанку, обвела заплаканными и безумными глазами купе и вдруг начала разговаривать громко и эмоционально с кем-то на весь вагон. Она спорила, доказывала, смеялась и плакала. Это напугало соседку, и она, недолго думая, пригласила проводника. Проводник по внутренней связи вызвала врача на ближайшей станции.

Стоянка была несколько минут, приехавший врач, бегло осмотрев больную и выслушав сбивчивый рассказ соседки по купе, поставил неизвестный укол и вышел из вагона. Поезд тронулся, а Зоя Фёдоровна замолчала и оставшуюся дорогу не проронила ни слова. Она лежала на своём плацкарте с широко открытыми глазами, смотрящими куда-то в бесконечность, и ни на что не реагировала. На протяжении всего пути она не только не проронила ни слова, но и ни разу не шевельнулась, не двинула рукой, не повернула головы, не моргнула. Прележала, как труп, до самой Москвы. Зато в Москве у вагона её уже поджидали санитары и, без явных возражений с её стороны, заботливо увезли в психиатрическую клинику.

В это же самое время в московской квартире подруга Наташи ждала Зою Фёдоровну, чтобы открыть ей дверь и передать ключи, но, не дождавшись, ушла домой. Телефон, оказавшийся в зоне доступа, сигнализировал о многочисленных смсках от дочери, но их никто не читал.

Наташа забрала маму из больницы через несколько дней плохо вменяемую, слабую и совершенно несчастную. Восстановиться до конца она так и не смогла, и теперь в её жизни появились периоды обострения. В эти моменты она начинала вслух с кем-то разговаривать, и её тут же увозили в больницу на очередное лечение. Через месяца полтора её выписывали, а через полгода всё начиналось сначала.

Зоя Фёдоровна очень изменилась, она часто смотрела в никуда, как будто следила за кем-то, редко откликалась, когда её звали, почти ни на кого не реагировала, даже на родственников. Она жила в своём мире, и у неё не было желания и сил вернуться назад, стать прежней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.